DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.009

УДК 94(470.5)“17/19” + 314.422-053.2 +
+ 279.99

Ю. В. Боровик

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА МЛАДЕНЧЕСКОЙ И ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ У СТАРООБРЯДЦЕВ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

Присутствие большого количества старообрядцев является одной из черт конфессионального своеобразия Уральского региона. Главным городским центром местного старообрядчества начиная с XVIII в. был Екатеринбург. По численности сторонники «древлего благочестия» уступали лишь православному населению и были в конце XIX в. самым крупным религиозным меньшинством города. Однако по городам Урала и всему региону в целом, где старообрядческая составляющая также была очень весомой, почти нет регулярных данных о событиях жизненного цикла. Исключением являлся Екатеринбург, где все объединения старообрядцев имели с 1907 г. статус официально признанных религиозных общин и вели собственные метрические книги. Сохранившийся комплекс этих уникальных документов за 1907–1926 гг. является источником по истории отдельных семей и локального религиозного сообщества, но также может привлекаться к изучению широкого спектра исторических процессов, выявлению их региональной и локальной специфики. Ценность выявленных документов в том, что на территории Среднего Урала это единственный на данный момент комплекс метрик городского старообрядческого сообщества, охватывающий все имевшиеся в населенном пункте направления за максимально возможный для этого источника период. Из-за сомнений часовенных в пользу от регистрации общин по Указу 17 октября 1906 г. в их приходах ведение собственных метрик было редкостью. Метрики остальных согласий, прежде всего белокриницкого, встречаются чаще, но охватывают незначительную часть старообрядческого населения и за более короткий период. В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы использования данных старообрядческих метрик, степень их надежности и полноты для исследования младенческой и детской смертности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история России; история Урала; город; религиозное сообщество; метрические книги; младенческая и детская смертность; старообрядцы

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00292А «Пространственный анализ детской смертности на Урале в конце XIX — начале XX в.: этно-религиозные и социально-экономические факторы».

Ц и т и р о в а н и е: *Боровик Ю. В.* Проблемы анализа младенческой и детской смертности у старообрядцев уральского города. DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.009 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 127–140.

Поступила в редакцию 01.11.2019

Принята к печати 09.01.2020

Iulia V. Borovik

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

ANALYSIS ISSUES OF INFANT AND CHILD MORTALITY AT THE OLD BELIEVERS OF THE URAL CITY

A large number of Old Believers is a feature of the confessional diversity of the Urals. Starting from the 18th century, Yekaterinburg was the main urban centre of Old Believers. There were fewer Old Believers than Orthodox Christians, but they were the largest religious minority of the city. However, there is no information about their everyday life routines in other Ural cities and parts of the region on the whole that had considerable Old Believer communities. Yekaterinburg was an exception where all Old Believer communities had official status from 1907 and kept their own metric books. The extant complex of unique documents from the period between 1907 and 1926 is a valuable source on the history of families and the local religious community, but it is also important for studying the local specifics of historical processes. The Old Believer metrics of Yekaterinburg are particularly valuable because the complex covers all the available directions in the village for the maximum period possible for this source. Because of the doubts Chasovennye had concerning the use of registering communities under the Edict of October 17, 1906, in their parishes, metric records were a rare thing. Metric books of the other concords, such as, most importantly, those of Belaya Krinita, can be found more often but they only cover a minor part of the Old Believer population and over a shorter period. This article discusses the problems and prospects of using data from Old Believer metrics, the degree of their reliability and completeness for the study of infant and child mortality.

Key words: history of Russia; history of the Urals; city; religious community; parish books; infant and child mortality; Old Believers

Acknowledgements

The work is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research*, grant 19-09-00292A “Spatial Analysis of Child Mortality in the Late 19th and Early 20th Centuries Urals: Ethno-Religious and Socio-Economic Factors”.

For citation: Borovik, Iu. V. (2020). Problemy analiza mladencheskoi i detskoj smertnosti u staroobriadtsev ural'skogo goroda [Analysis Issues of Infant and Child Mortality at the Old Believers of the Ural City]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 1 (196), 127–140. doi: 10.15826/izv2.2020.22.1.009

Submitted: 01.11.2019

Accepted: 09.01.2020

Изучение динамики и факторов снижения младенческой и детской смертности является одной из наиболее актуальных тем современных исторических исследований, поскольку таким образом выявляются страновые, региональные и локальные особенности демографического перехода от характерного для аграрного общества типа воспроизводства населения (с высокой рождаемостью

и смертностью) к типу, свойственному индустриальному обществу (с уменьшением уровня смертности и рождаемости) [Edvinsson, Garðarsdóttir, Thorvaldsen; Morgan; Hubbard; Thorvaldsen]. В Российской империи возможности для снижения смертности появляются во второй половине XIX в. вследствие институциональных реформ. В этот период медики и этнографы в сельской местности обращают внимание на высокую младенческую смертность у православных русских крестьян в сравнении с другими этноконфессиональными группами из раннего прекращения грудного вскармливания [Ершов; Никольский; Тезяков; Russkikh; Freeze, p. 288]. В крупных городах на смертность влияли санитарные условия, мало способствовавшие здоровью и долголетию [Новосельский, 1911; Союз для борьбы с детской смертностью...], в то время как в городах среднего масштаба ситуация складывалась более благоприятно из-за приемлемой обеспеченности медицинскими учреждениями и сотрудниками, оперативной борьбы с эпидемиями и лояльного отношения населения к медико-санитарным мерам [Новосельский, 1916, с. 66–67; Птуха, с. 360–361]. При этом и в городах уровень детской смертности имел существенные отличия от деноминации к деноминации [Glavatskaya, Borovik, Thorvaldsen; Bakharev, Glavatskaya]. Данные наблюдения указывают, что наиболее продуктивным ракурсом исследования смертности является подход, учитывающий конфессиональную составляющую. Особый интерес представляет старообрядческое городское сообщество, поскольку, с одной стороны, оно являлось частью движения, приверженного сохранению традиционных устоев и весьма скептически было настроено в отношении медицины, а с другой стороны, во второй половине XIX — начале XX в. испытывало трансформирующее влияние городской культуры.

Старообрядческие общины Екатеринбурга

Присутствие большого количества старообрядцев является одной из черт конфессионального своеобразия Уральского региона. Одним из главных городских центров уральского староверия начиная с XVIII в. был Екатеринбург, где, согласно данным 3-й ревизии, «раскольники» составляли треть мужского населения [Словцов, с. 323]. В 1897 г. уездный Екатеринбург по общей численности населения соперничал с Пермью — центром губернии (42 тыс. и 45 тыс. чел. соответственно) [Первая Всеобщая перепись..., с. 1–3], а по доле старообрядцев не имел себе равных среди других городов Среднего Урала, Приуралья и Зауралья, хотя староверы в динамично развивающемся городе официально составляли лишь 4–5 % горожан (рис. 1), т. е. являлись конфессиональным меньшинством, наряду с мусульманами (1,6 %), представителями западнохристианских направлений (1,6 %) и иудеями (0,7 %).

Старообрядческое население в Екатеринбурге появилось сразу после его основания. В XVIII в. приверженцы «древлего православия» на основе конфессиональных связей осуществляли подрады на поставки продовольствия

Рис. 1. Старообрядцы среди городского населения Пермской губернии в 1897 г.
[сост. по: Первая Всеобщая перепись..., с. 81–82]

Pic. 1. Old Believers among the city dwellers of Perm Province, 1897
[acc. to The First Nationwide Census, pp. 81–82]

* Перепись прошла во время всероссийской ярмарки, когда почти половина переписанных людей являлись «временнопребывавшими» — торговцами, среди которых было немало староверов.

горным заводам, были представителями заводчиков, с 1780-х гг. более пятидесяти лет занимали главные позиции в органах городского самоуправления. До 1840-х гг. екатеринбургские старообрядцы принадлежали к беглопоповскому течению, во второй четверти XIX в. трансформировавшемся в так называемое часовенное согласие, которое признавало необходимость священства, но его не имело. С 1850-х гг. здесь появились сторонники старообрядческой «белокриницкой иерархии». На рубеже XIX–XX вв. в городе существовало три старообрядческих храма (Никольский и Успенский у староверов-часовенных и Троицкая церковь белокриницких). При каждом из них в 1907 г. были официально зарегистрированы общины. Постоянных прихожан насчитывалось около 2 тыс. чел. (в 1897 г. — 1790 чел. [Первая Всеобщая перепись населения..., с. 81–82]).

Половозрастной состав был сбалансирован, с незначительным преобладанием женского пола во всех возрастных группах. Наиболее многочисленными были представители молодых возрастов (рис. 2).

Рис. 2. Половозрастная структура старообрядческого общества Екатеринбурга в 1897 г.
[сост. по: Первая Всеобщая перепись..., с. 292]

Fig. 2. Gender and age structure of the Old Believer community of Yekaterinburg, 1897
[acc. to The First Nationwide Census, p. 292]

Старообрядцы относились к разным сословиям и были приписаны не только к городу, большинство из них являлись мещанами и крестьянами, проживавшими в Екатеринбурге и его ближайших окрестностях.

Метрические книги старообрядцев

После регистрации в Пермском губернском правлении в 1906–1907 гг. все старообрядческие общины Екатеринбурга стали вести метрические книги о совершавшихся обрядах жизненного цикла. Для каждого типа событий полагался отдельный том, выдававшийся губернской администрацией в двух экземплярах, с пронумерованными и прошитыми листами, подписями

вице-губернатора и губернского делопроизводителя, датой заверения и сургучной гербовой печатью правления на переплетных шнурах, чтобы незаметная расшивка книги и изъятие листов были невозможны. Характерных для православных метрик сводных таблиц в конце книги у старообрядцев не было.

Председатель и четыре-пять членов совета общины обязаны были подтверждать правильность записей своими подписями. В Троицкой и Успенской общинах старались это делать ежемесячно, в Никольской общине — в конце года. Один экземпляр метрик отправлялся обратно в губернское правление на проверку. За обнаруженные неисправности полагалось наказание, поэтому качеству ведения записей уделялось особое внимание. В Екатеринбурге у общины оставался второй экземпляр. Скорее всего, в середине 1920-х гг. именно эти книги были собраны в отделах ЗАГСа, а затем переданы на государственное хранение. Блок из 64 метрик сохранился в фондах Государственного архива Свердловской области и включает более 1,5 тысяч записей о рождениях, крещениях и отпеваниях с 1907 по 1926 гг.

Часть записей представлена не только в виде оригиналов. В 1924 г. священник белокриницкой иерархии Василий Усов снял копию с метрик за март-декабрь 1918 г., которая в последующем использовалась сотрудниками отдела ЗАГС для выдачи справок и дополнений наряду с оригинальным экземпляром.

Записи старообрядческих метрик в настоящее время транскрибированы в базу данных и являются частью электронного ресурса «Население Урала в конце XIX — XX вв.», доступного для генеалогических изысканий [Регистр населения Урала]. 53 % «старообрядческих» записей приходится на раздел о родившихся, 9 % — раздел о браках, 38 % — раздел об умерших.

Уникальность выявленных документов состоит в том, что на территории Среднего Урала это единственный на данный момент комплекс метрик городского старообрядческого сообщества, охватывающий все имевшиеся в населенном пункте направления за максимально возможный для этого источника период. Из-за сомнений часовенных в пользу регистрации общин по Указу 17 октября 1906 г. [Указ «О порядке образования...»; Об учреждении книг...] в их приходах ведение собственных метрик было редкостью. Метрики остальных согласий, прежде всего белокриницкого, встречаются чаще, но охватывают незначительную часть старообрядческого населения и за более короткий период. Таким образом, по региону, где старообрядческая составляющая была весомой, почти нет регулярных данных о событиях жизненного цикла.

Данные о младенческой и детской смертности

Метрические книги содержат 932 записи о родившихся и 665 об умерших до 1926 г. включительно (табл. 1), пригодных для изучения младенческой смертности в трех старообрядческих приходах Екатеринбурга начала XX в.

Таблица 1

**Количество записей в метрических книгах
старообрядческих общин Екатеринбурга, 1907–1926 гг.**
[сост. по: Регистр населения Урала]

Годы	Родив- шиеся	Умершие					
		Младенцы и дети				Взрослые	Все воз- расты
		До 1 года	1–5 лет	6–16 лет	Всего от 0 до 16 лет	Старше 16 лет	
1907	44*	5	3	0	8	22	30*
1908	90	8	4	1	13	34	47*
1909	75	9	8	3	20	33	53*
1910	98	14	4	5	23	24	47*
1911	79	12	6	2	20	30	50
1912	75	15	6	1	22	41	63
1913	88	11	4	0	15	21	36*
1914	74	7	11	1	19	33	52
1915	75	18	13	4	35	43	78
1916	54	8	7	2	17	50	67
1917	61	11	6	4	21	40	61
1918	40	1	3	1	5	27	32***
1919	38*	0	1	1	2	25	27**
1920	4**	0	1	0	1	16	17**
1921	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1922	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1923	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
1924	20**	0	0	0	0	4	4**
1925	15**	0	0	0	0	1	1**
1926	2**	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Всего	932	119	76	25	220	445	665

* Сохранились данные по Троицкому и Никольскому приходам.

** Сохранились данные только по Троицкому приходу.

*** Сохранились данные по Троицкому и Успенскому приходам.

Очевидно, что заполнение метрик не всегда было регулярным. Стабильным периодом являются 1907–1917 гг. Далее количество обрядов резко сокращается, поскольку в 1918 г. на Урале разворачиваются боевые действия с неоднократной сменой властей, что препятствовало не только поддержанию качества

учета событий жизненного цикла, но и самому их осуществлению. С 1919 г. записи сохранились только по белокрыницкому приходу, где священник В. Усов вел их «для памяти». Все вышеизложенное дает основания утверждать, что использование в историко-демографических расчетах данных после 1917 г. вряд ли приведет к корректным выводам, хотя они, безусловно, важны для характеристики приходской жизни в ранний советский период. В итоге для анализа остается совокупность данных до 1917 г.: 813 записей о родившихся и 584 об умерших (в том числе 118 — до 1 года, 71 — от года до 5 лет, 23 — от 6 до 16 лет, всего 212 — от 0 до 16 лет). На возраст до 5 лет включительно приходится 32 % всех умерших.

Согласно сохранившимся данным, в среднем во всех старообрядческих приходах Екатеринбурга в 1907–1917 гг. крестилось ежегодно 74–76 человек, венчалось 15 пар и отпевалось 60 умерших. На один брак приходилось 5,8 рождений. Объем записей о родившихся косвенно подтверждает данные о 2 тыс. староверов в Екатеринбурге, поскольку в начале XX в. в пределах города на 1000 человек приходилось 36 рождений [Статистические сведения...]¹. Вторичное соотношение полов² в метриках до 1917 г. включительно составляет 1,08 (404 мальчика и 375 девочек), что близко к средним значениям в популяции. Есть сомнения в том, что абсолютно все дети, родившиеся в семьях старообрядцев города, внесены в метрики. На это указывает отсутствие в разделе о крещениях сведений минимум о 15 (7 % от 212 чел.) местных мещанских сыновьях и дочерях, впоследствии умерших в раннем возрасте (см. табл. 2).

Таблица 2

**Результаты связывания данных о родившихся и умерших
в старообрядческих приходах в 1907–1917 гг.**
[сост. по: Регистр населения Урала]

Умершие		Человек, N	%
Умершие, записи о которых есть в разделе о крещениях		115	54,2
Умершие, о которых нет записей в разделе о родившихся	Постоянные жители Екатеринбурга	15	7,1
	Непостоянные жители Екатеринбурга	42	19,8
	Родившиеся до 1907 г.	19	9,0
	Недостаточно данных для идентификации	21	9,9
Всего умерло детей		212	100,0

¹ В 1902 г. в Екатеринбурге на 55 853 жителя состоялось 2008 крещений.

² Соотношение между числом родившихся мальчиков и родившихся девочек. По данным Центрального статистического комитета в Пермской губернии это значение в период 1907–1914 гг. колебалось от 1 до 1,04 [Движение населения, 1913; 1914; 1915; 1917].

Необходимо отметить, что в комплексе книг есть лакуны. По одному из храмов часовенного согласия — так называемой малой Успенской часовне за 5 из 11 лет не сохранились книги об умерших за 1907–1910 и 1913 гг. и о родившихся за 1907 г. (при этом есть браки за 1908–1910 гг.). Это обстоятельство является наиболее серьезным препятствием для привлечения столь ценных старообрядческих метрик к анализу смертности, поскольку в этом случае необходим сопоставимый объем данных по родившимся и умершим. На примере расчета коэффициента младенческой и детской смертности мы попытались проверить, насколько существенна разница между использованием наличных данных и двумя вариантами коррекции, направленными на снижение негативного эффекта от лакун в записях «малой» Успенской часовни (рис. 3).

Рис. 3. Коэффициент младенческой и детской смертности у старообрядцев Екатеринбурга 1907–1917 гг. (до и после коррекции данных за 1907–1910 и 1913 гг.)
 [сост. по: Регистр расселения Урала]*

Pic. 3. Infant and child mortality rates at the Old Believers of Yekaterinburg between 1907 and 1917 (before and after the correction of data from 1907–1910 and 1913)
 [acc. to Ural Settlement Register]

* На основе 813 записей о родившихся и 212 записей об умерших в возрасте от 0 до 16 лет.

В первом варианте коррекции коэффициенты за 1907–1910 и 1913 гг. рассчитываются только на основе тех приходов, по которым есть оба раздела: родившиеся и умершие (исключаются данные о крещениях в Успенской часовне за 1908–1910, 1913 гг., поскольку к ним нет записей об умерших; 1907 год по ней выпадает, так как отсутствуют оба раздела). Тогда количество анализируемых случаев сокращается до 728 родившихся и 212 умерших младенцев и детей.

Второй вариант коррекции связан с использованием среднегодовых значений по Успенской часовне в случае отсутствия данных. За 1908–1917 гг. в этом

приходе в среднем за год происходило 21,4 крещений и 7,3 смертей в возрасте до 16 лет включительно, поэтому общая расчетная база составила условно 834,4 крещений и 249,5 смертельных случаев.

В итоге можно видеть, что при втором варианте реконструкции за счет более сбалансированного количества крещений и отпеваний по всем приходам можно избежать скачкообразных колебаний в 1912–1913 гг., которые неизбежно возникают при небольшом количестве анализируемых случаев. Однако их все равно мало для анализа погодовой динамики, поскольку на каждый год, даже в случае реконструкции по средним значениям, приходится считаное количество случаев (min 15, max 50, остальные в диапазоне от 20 до 44), а использование данных небольшого объема накладывает ограничения на работу с ними и выводы [Миронов, с. 107; Кащенко]. Например, по табл. 1 выделяется как до коррекции, так и после нее пик смертности в 1909 г., хотя по числу случаев смертности он не был самым плохим: в январе, феврале и в июне-августе, предположительно от болезней дыхательных путей (в качестве причин смерти, как правило, указывались симптомы — «кашель», «простуда»), скончались 5 детей, еще 5 — от «поноса» и «болезни живота», 3 — от «родимца», 3 — от «чахотки», 2 — от рахита («английской болезни»), по одному случаю пришлось на корь и «нервную болезнь». Помета о медицинском диагнозе есть только однажды — «чахотку» у 5-летнего крестьянского мальчика определил в апреле один из городских фельдшеров. Соотношение 20 умерших до 16 лет и небольшого числа родившихся (75 человек) в этом году дает повышенный коэффициент смертности, при этом незначительное изменение числа случаев за год оборачивается колебаниями коэффициента на 40–50 единиц. Следовательно, вместо сравнения по годам будет правильнее анализировать весь период, используя рассмотренные приемы коррекции, или же объединить данные за несколько лет, например, выделить довоенное время 1907–1913 гг. и годы Первой мировой войны до 1918 г. (табл. 3).

На основе реконструированных значений, принимая во внимание возможный 7 %-й недоучет рождений за весь период, можно полагать, что детская и младенческая смертность у старообрядцев трех приходов Екатеринбурга в мирные годы составляла 244–258 %, а в годы войны выросла до 322 %. Рост младенческой и детской смертности был обусловлен мобилизацией мужчин, что привело к снижению брачности и рождаемости, а также к необходимости многим семьям искать дополнительные заработки, что нередко оборачивалось занятостью матери вне дома, ухудшением ухода и кормления, увеличением желудочно-кишечных заболеваний у детей, болезней органов дыхания и инфекций. Кроме того, в 1915–1917 гг. в Екатеринбурге оказались беженцы из западных губерний, которые в случае смерти своих детей обращались для их отпевания как в православные приходы, так и к старообрядцам (возможно, из-за более демократичного отношения к плате за требы).

Таблица 3

**Младенческая и детская смертность
у старообрядцев Екатеринбурга до и после 1914 г.
[сост. по: Регистр населения Урала]**

Годы	Умерло от 0 до 16 лет, N	Родилось, N	Коэффициент детской и младенческой смертности, ‰
<i>Данные без коррекции</i>			
1907–1913	121	549	220
1914–1917	91	264	345
За весь период	212	813	261
<i>Коррекция без записей Успенской часовни за 1907–1910 и 1913 гг. и с 7 %-й поправкой к рождениям</i>			
1907–1913	121	496	244
1914–1917	91	283	322
За весь период	212	779	272
<i>Коррекция с дополнением средних значений по Успенской часовне за 1907–1910 и 1913 гг. и с 7 %-й поправкой к рождениям</i>			
1907–1913	158	610	258
1914–1917	91	283	322
За весь период	249	893	279

За весь период 1907–1917 гг. детская смертность (включая младенцев и детей от 1 года до 16 лет) находилась на уровне 272–279 ‰, а младенческая смертность составляла 155–160 ‰. Внутри восточноправославного направления этот параметр отличал старообрядцев от приверженцев официальной церкви, терявших только в возрасте до 1 года в мирное время 347–353 чел. из тысячи родившихся [Голикова, с. 99; Glavatskaya, Borovik, Thorvaldsen; Bakharev, Glavatskaya, p. 212]. Однако «благополучие» старообрядцев оказывается весьма относительным по сравнению с местными католиками и евреями, у которых в 1906–1917 гг. младенческая смертность была не выше 60 и 90 ‰ соответственно [Glavatskaya, Borovik, Thorvaldsen, Table 5].

Выводы

Стабильный период ведения метрических записей во всех старообрядческих общинах Екатеринбурга приходится на 11-летие с 1907 по 1917 гг., при этом фактический объем данных ограничивает возможности анализа погодовой динамики коэффициента младенческой и детской смертности. Объединение сведений за несколько лет, внесение поправки на недоучет родившихся и реконструкция возможного количества записей в утраченном фрагменте комплекса

метрических книг по одному из приходов позволяют точнее представить, насколько велика была смертность в раннем возрасте. Наиболее корректными значениями являются 240–260 ‰ в довоенное время и 320 ‰ — в годы войны. Данные параметры подтверждают предварительные наблюдения о зависимости уровня младенческой смертности от конфессиональной принадлежности и указывают на существенную роль факторов экономического, демографического, эпидемиологического характера, связанных с военным временем.

Источники

Движение населения // Статистический ежегодник России 1912 г. (Год девятый). СПб. : Центр. стат. ком. МВД, 1913. Отд. 2. С. 1–4.

Движение населения // Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб. : Центр. стат. ком. МВД, 1914. Отд. 2. С. 1–2.

Движение населения // Статистический ежегодник России 1914 г. (Год одиннадцатый). Пг. : Центр. стат. ком. МВД, 1915. Отд. 2. С. 1.

Движение населения // Статистический ежегодник России 1916 г. М. : Тип. Моск. Сов. раб. солд. и кр. деп., 1917. С. 92.

Об учреждении книг гражданского состояния старообрядцев и отделившихся от православия сектантов 17 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Т. XXIV. № 28425.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / изд. Центрального статистического комитета МВД ; под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XXXI : Пермская губерния. СПб. : Слово, 1904.

Регистр населения Урала — База данных «Регистр населения Урала». URL: <http://urapdataurg.uirfu.ru/ural-population-project> (дата обращения: 31.10.2019).

Союз для борьбы с детской смертностью в России. Годовые отчеты за 1911–1913 гг.: год 7й, 8й и 9й. Пг., 1915. С. 4–19.

Статистические сведения по Пермской губернии за 1902 год // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1904 г. Пермь : Тип. Я-ков Каменского, 1903. Отд. I. С. 77–79.

Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» 17 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Т. XXIV. № 28424.

Исследования

Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствия // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 99–110.

Ершов С. М. Материалы для санитарной статистики Свияжского уезда. Опыт сравнительной демографии русской и татарской народности. СПб. : Пар. скоропеч. Яблонский и Перотт, 1888.

Кащенко С. Г. Микроисследования по исторической демографии Российской империи XIX — начала XX в.: Опыт работ 1990-х — 2001 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2 : История, языковедение, литературоведение. 2002. Вып. 1. С. 3–15.

Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России (Ч. 2): аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 100–125.

Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1899.

Новосельский С. А. О различиях смертности сельского и городского населения Европейской России. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1911.

Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг. : изд. К. Л. Риккера, 1916.

Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М. : Госстатиздат, 1960.

Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М. : Вече, 2006.

Тезяков Н. И. Вотяки Больше-Гондырской волости. Чернигов : журн. «Зем. врач», 1892.

Bakharev D., Glavatskaya E. Infant mortality in the late 19th and early 20th century // *Nominative data in demographic research in the East and the West* / [E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek (Eds.)]. Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2019. P. 202–219.

Edvinsson S., Garðarsdóttir Ó., Thorvaldsen G. Infant mortality in the Nordic Countries 1780–1930 // *Continuity and Change*. 2008. № 3 (23). P. 457–485.

Freeze Cr. Y. *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*. Hannover ; London : Brendeis Univ. Press, 2002.

Glavatskaya E., Borovik J., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia // *The History of the Family*. 2018. № 1 (23). P. 135–153.

Hubbard W. H. The Urban Penalty: Towns and Mortality in the Nineteenth-Century Norway // *Continuity and Change*. 2000. № 2 (15). P. 331–350.

Morgan N. Infant mortality, flies and horses in later nineteenth-century towns: a case study of Preston // *Continuity and Change*. 2002. № 1 (17). P. 97–132.

Russkikh N. A. Sur la lutte contre la mortalité infantile // *Comptes-rendus du XII Congrès international de médecine*. Moscou, 7(19)–14(26) août 1897. Vol. VII. Sektsiia XIV : Hygiène, médecine publique, statistique sanitaire, épidémiologie. Moscou : typo-lit. I. N. Kouchnérev & Cie, 1899.

Thorvaldsen G. Infant Mortality Now and Then: The Dual Role of Economic Resources // *Transylvanian Review*. 2018. № 2. P. 104–121.

References

Bakharev, D., & Glavatskaya, E. (2019). Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century. In E. Glavatskaya et al. (Eds.), *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* (pp. 202–219). Yekaterinburg: Ural University Press.

Golikova, S. V. (2005). Vysokaya smertnost' na dorevolyutsionnom Urale: struktura, prichiny i sledstviya [High Mortality in the Prerevolutionary Urals: Structure, Causes, and Consequences]. In A. V. Chernoukhov et al. (Eds.), *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* (Vol. 5, pp. 99–110). Yekaterinburg: Ural University Press.

Edvinsson, S., Garðarsdóttir Ó., & Thorvaldsen, G. (2008). Infant Mortality in the Nordic Countries 1780–1930. *Continuity and Change*, 3 (23), 457–485.

Ershov, S. M. (1888). *Materialy dlia sanitarnoi statistiki Sviyazhskogo uyezda. Opyt sravnitel'noi demografii russkoi i tatarskoi narodnosti* [Materials for the Sanitary Statistics of Sviyazhsk Uyezd. The Experience of Comparative Demography of the Russian and Tatar Nationalities]. St Petersburg: Par. skoropech. Jablonsky i Perott.

Freeze, Cr. Y. (2002). *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*. Hannover; London: Brendeis University Press.

Glavatskaya, E., Borovik, J., & Thorvaldsen, G. (2018). Urban Infant Mortality and Religion at the End of the Nineteenth and in the Early Twentieth Century: The Case of Ekaterinburg, Russia. *The History of the Family*, 1 (23), 135–153.

Hubbard, W. H. (2000). The Urban Penalty: Towns and Mortality in the Nineteenth-Century Norway. *Continuity and Change*, 2 (15), 331–350.

Kashchenko, S. G. (2002). Mikroissledovaniia po istoricheskoi demografii Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX v.: Opyt rabot 1990-kh – 2001 g. [Micro-Research on the Historical Demography of the Russian Empire of the 19th – Early 20th Centuries: Experience of the 1990s – 2001]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, 1, 3–15.

Mironov, B. N. (2006). Novaia istoricheskaia demografiia imperskoi Rossii (Chast' 2): analiticheskii obzor sovremennoi literatury [New Historical Demography of Imperial Russia (Pt. 2): An Analytical Review of Modern Literature]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2*, 4, 100–125.

Morgan, N. (2002). Infant Mortality, Flies and Horses in Later Nineteenth-Century Towns: A Case Study of Preston. *Continuity and Change*, 1 (17), 97–132.

Nikolsky, D. P. (1899). *Bashkiry. Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [Bashkirs. Ethnographic and Sanitary-Anthropological Research]. St Petersburg: Tip. P. P. Soikina.

Novoselsky, S. A. (1911). *O razlichiiakh smernosti sel'skogo i gorodskogo naseleniia Evropeiskoi Rossii* [On the Differences in Mortality of Rural and Urban Populations of European Russia]. Moscow: Tipo-lit. W. Richter.

Novoselsky, S. A. (1916). *Obzor glavneishikh dannykh po demografii i sanitarnoi statistike Rossii* [Review of the Most Important Data on the Demography and Sanitary Statistics of Russia]. Petrograd: ed. K. L. Ricker.

Ptukha, M. V. (1960). *Ocherki po statistike naseleniia* [Essays on Population Statistics]. Moscow: Gosstatizdat.

Russkikh, N. A. (1899). Sur la lutte contre la mortalité infantile. In *Comptes-rendus du XII Congrès international de médecine*. Moscou, 7(19)–14(26) août 1897. Vol. VII. *Sektsiia XIV: Hygiène, médecine publique, statistique sanitaire, épidémiologie*. Moscou: Typo-lit. I. N. Kouchnérev & C-ie.

Slovtsov, P. A. (2006). *Istoriia Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [History of Siberia. From Yermak to Catherine II]. Moscow: Veche.

Teziakov, N. I. (1892). *Votiaki Bol'she-Gondyrskoi volosti* [Votyaks of Bolshe-Gondirsky Volost]. Chernigov: "Zemskii Vrach".

Thorvaldsen, G. (2018). Infant Mortality Now and Then: The Dual Role of Economic Resources. *Transylvanian Review*, 2, 104–121.

Боровик Юлия Викторовна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории археографических
исследований
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: iulia.borovik@urfu.ru

Borovik, Iulia Viktorovna

PhD (History), Research Fellow,
Laboratory of Archaeographic Studies
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: iulia.borovik@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-5891-9189
ResearcherID: C-2859-2017
Scopus AuthorID: 57193265046